

ХРОНИКА

Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья.

АНТИЧНОЕ ВЛИЯНИЕ НА СКУЛЬПТУРУ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В собраниях Государственного исторического музея хранится культовая статуэтка — миниатюрная каменная герма с своеобразными чертами, характеризующими ее варварское происхождение. Герма найдена при земляных работах у Стрелецкой бухты Гераклейского полуострова, составлявшего часть владений античного Херсонеса, и незадолго до войны попала в музей.

Герма находит свое место в ряду варварских скульптурных памятников, известных в Северном Причерноморьи. — Отправной точкой в развитии этого ряда являются памятники, связанные с древнейшими доскифскими обитателями Причерноморья — киммерийцами.

К ним относятся стелы, найденные при раскопках Тиритаки в 1933 г.¹ Стелы представляют собою примитивные изваяния мужчины и женщины. Лица лишь намечены. Руки до локтя показаны вдоль верхнего края плиты, от локтя руки сгибаются и направлены книзу. Показаны все пальцы обеих рук. Нижняя часть изваяний совершенно не отделана и предназначалась, очевидно, для установки в земле. Там же найдена часть третьего такого же изображения. Аналогичный памятник доскифской эпохи был открыт ранее в районе Северного Причерноморья — в Белогрудовке.

Тиритакские стелы, по определению занимавшихся ими исследователей (В.Ф. Гайдукевич, М. И. Славин), относятся к эпохе бронзы — XIII-XII вв. до н.э. и принадлежат доскифскому населению Причерноморья, т. е. киммерийцам.

Этот вид антропоморфных стел послужил основой для развития более поздних типов изображений, связанных уже со скифами, позднее — с сарматами.

Кроме стел, где, хоть в чрезвычайно упрощенной и схематической трактовке, все же изображены лица и руки, есть другой тип антропоморфных изображений, еще более примитивный, но также несомненно связанный с тем же временем и тем же народом. Это так называемые антропоморфные надгробия-примитивы. Именно к этим примитивам восходит серия памятников, завершением которой является наша герма. Наиболее ранние из них по времени открыты А. А. Миллером во II слое Кобыкова городища близ станции Аксайской в Приазовьи². Исследователь относит материал

¹ Т. Н. К н и п о в и ч и Л. М. С л а в и н, Раскопки юго-западной части Тиритаки, «Мат. и иссл. по арх. СССР», т. 4, Изд. АН СССР, 1941, рис. 50, 51, стр. 39.

² А. А. М и л л е р, Краткий отчет о работах Северо-кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. Сообщения ГАИМК, Ленинград, 1926 г., вып. 1, рис. 34, стр. 138.

городища к древним доскифским культурам, причем делит его на два слоя. Интересующие нас изображения относятся ко второму, более позднему слою. Время его по характеру находок (керамика, изделия из бронзы и камня) определяется VII—нач. VI в. до н.э.

А. А. Миллер указывает, что, по словам Б. В. Фармаковского, совершенно подобные изображения открыты им в Ольвии, где они были использованы в качестве строительного материала в каменной кладке древнейшего периода города¹.

Следовательно, в эпоху VII—нач. VI в. до н.э. народ, изготовлявший эти памятники, был еще в районе Нижнего Приднепровья. Антропоморфные примитивы олицетворяли собой умершего человека и ставились на месте его захоронения. Подобные обычаи известны в глубокой древности. Среди находок в Нижней Трое, относимой к началу 1 тысячелетия до н.э., мы видим подобные изображения, сопровождавшие погребальный ритуал².

А. А. Миллер предположил в Кобякинских примитивах какой-то религиозный смысл, но не связывает их с наличием в том же слое погребения скорченника.

В Ольвии известно значительное количество скорченных погребений³. Известны архаические — VI—нач. V в. до н.э. и гораздо более поздние — времен II—III вв. н.э. До сих пор они приписывались скифам. С. И. Капошина в своей работе «Скорченные погребения в Ольвии и Херсонесе» относит к скифам не только ольвийские погребения, но предлагает считать скифскими и херсонесских скорченников⁴. Однако среди типичных скифских погребений эллинистического и римского времени скорченного труположения, свидетельствующего о большом примитивизме духовного развития, совершенно не наблюдается⁵.

Херсонесские скорченные погребения сопровождаются в большинстве случаев античным инвентарем и датируются тем же инвентарем в пределах IV в. до н.э. II—III вв. н.э.⁶ Встреченная среди них местная варварская керамика никак не может быть отождествлена со скифской. Она имеет гораздо более грубые формы и технику и находит аналогии среди позднего материала каменных ящиков и погребений доскифской эпохи. Архаизм ее, несмотря на более позднее время, составляет отличительную черту именно таврской культуры. По свидетельству древних авторов⁷, изгнание киммерийцев скифами произошло в конце VII в. до н.э. на всем протяжении Причерноморских областей от границ Фракии далеко на восток. По установившемуся в современной науке взгляду, остатками киммерийцев, сохранившихся в античную эпоху в Северном Причерноморьи, считаются тавры, со всеми особенностями их чрезвычайно примитивной и самобытной культуры, резко отличной от современной им культуры скифо-сарматской⁸.

Тавры входили составным элементом в контингент херсонесских жителей. Об

¹ М и л л е р, ук. соч., стр. 138, примеч.

² Carl W. Blegen, Excavations at Troy, AJA, 1934, N2, стр. 231, рис. 9.

³ Т. Н. К н и п о в и ч, Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища, «Советская Археология», т. V (1940), стр. 104.

⁴ К а п о ш и н а, Скорченные погребения в Ольвии и Херсонесе «Советская Археол.» в. 7 (1941), стр. 172.

⁵ А. А. С п и ц ы н, Курганы скифов-пахарей, ИАК, вып. 65, Петр., 1913.

⁶ Г. Д. Б е л о в, Отчет о раскопках Херсонеса в 1935—36 гг., Симф., 1938, рис. 3—41, стр. 163 сл.

⁷ Геродот, I, 103—106, пер. Латышева (Изв. древн. писателей о Скифии и Кавказе, т. I, стр. 4).

⁸ С. А. Ж е б е л е в, Народы Северного Причерноморья в античную эпоху ВДИ, 1938, № 1, стр. 150. В. А. Г о р о д ц о в, К вопросу о киммерийской культуре «Труды секции Археологического ин-та археологии и искусств». РАНИОН, 1928, вып. 2, стр. 48; М о и с е е в, Из истории западного побережья Тавриды, Изв. Таврич. Уч. Арх.-ком., вып. 54, стр. 241; К. F. L e h m a n - H a u p t, Kimmerier, RE, т. XI, стр. 397—434.

этом свидетельствуют многие данные — бытовые предметы, обряды погребений, ритуальные памятники и самое упоминание имени тавров. На мраморном надгробии из Херсонеса с остатками 4-х хорошо выполненных фигур имеется надпись $\gamma\omicron\nu\eta$ ταυρική. Надгробие датировано Латышевым I—II вв. н.э.¹ В 1903 г. в центральной части городища найдена ручка сосуда² из местной черной глины с изображением головы варварского типа, но совершенно отличного от изображений типов скифов. Лицо варвара поражает свирепостью выражения, грубостью и примитивностью черт. Характер его как нельзя лучше вяжется с общим характером таврской культуры, отличительными чертами которой является именно жестокость и примитивность³ (рис. 1).

В 1898 г. в Херсонесе найден обломок известковой стелы с очень грубым изображением воина-тавра с копьем в правой и круглым щитом в левой руке⁴. Копье со-

Рис. 1. Ручка глиняного сосуда из Херсона с изображением головы тавра

Рис. 2. Таврское надгробие из Херсонеса, с рельефным изображением воина с копьем и щитом

ставляло главный, если не единственный, вид оружия тавров, и наконечники копий составляют частый вид находок в каменных ящиках⁵ (рис. 5).

В некрополе Пантикапея имеется также большое число скорченников⁶ и, кроме того, прямое эпиграфическое свидетельство о наличии тавров в числе граждан города. Надпись надгробия, относящегося к VI в. до н. э., гласит: «Под сим памятником

¹ IOSPE, IV, № 142; «Мат. по Арх. Рос.» вып. 23., стр. 17—18; ОАК, 1898, рис. 14, стр. 114.

² К о с т ю ш к о - В а л ю ж и н и ч, Отчет о раскопках Херсонеса в 1903 г., ЦАК, вып. 16, стр. 64, рис. 24. СПб, 1905.

³ Г е р о д о т, IV, 103; Саллюстий у Латышева (Изв. др. писат. т., II, вып. 1, стр. 255).

⁴ К о с т ю ш к о - В а л ю ж и н и ч, Отчет о раскопках Херсонеса в 1898 г. ОАК за 1898 г. изд. СПб, 1901, рис. 18, стр. 119.

⁵ Р е п н и к о в, ук. соч.

⁶ Ш к о р п и д, Отчет о раскопках в Керчи, ИАК, вып. 25, СПб, 1907, стр. 61.

муж, многим желанный, родом тавр, имя его Тихон»¹. И в Пантикапейском некрополе встречаются надгробия - примитивы, совершенно аналогичные упомянутым².

При раскопках Эрнста в 1926 г. в районе древнего Неаполиса, служившего границей владений скифов и тавров, им найдено неясное схематизированное изображение человеческой головы, т. е. тот же антропоморфный примитив³.

Больше всего таких антропоморфных примитивов в Херсонесе, находящемся непосредственно в границах Таврики и тесно связанном с ее основным населением. В Херсонесе мы имеем замечательный, совершенно оригинальный в истории античных городов факт нахождения некрополя в черте города⁴. Скорченники составляют большой процент погребений в этом некрополе. Следов окрашивания костяков нет. Несмотря на наличие чисто греческих вещей, весь некрополь имеет явно варварский, хотя и эллинизированный характер. Время функционирования этого некрополя в черте города точно определяется IV—II вв. до н. э.

В некрополе найдены 2 антропоморфных надгробия, вполне аналогичных кобякинским и ольвийским. Они представляют собой грубо схематизированную человеческую голову, переходящую почти без шеи в плечи. Выс. 0,33 м⁵.

На протяжении всех лет раскопок загородного некрополя Херсонеса эти памятники встречаются постоянно и составляют отличительную черту местного варварского пластического искусства⁶.

Большинство этих плоских головообразных надгробий имеет небольшой выступ у основания (рис. 3) для вставления в плиту, стоящую над могилой.

Херсонесские надгробия-примитивы эллинистического времени часто встречаются в качестве строительного материала в гробницах римской эпохи (см. гробницы №№ 25-27, 2454, 1530, 1536, 1545, — №№ гробниц идут с начала работ в последовательном порядке до 1914 г. включит.).

Если в эпоху догреческой архаики, классики и эллинизма таврские антропоморфные надгробия имеют почти неизменную форму коротких бюстов, — ко времени конца II—нач. I в. до н. э. они начинают несколько изменяться. Изменение происходит, главным образом, за счет удлинения, придающего им характер столбообразного надгробия гермы, и некоторых штрихов, обозначающих черты лица.

К таким памятникам относятся два, открытых в Анапе. Первый из них (рис. 4) найден Сизовым при раскопках городища Ногай-Калэ⁷. Это грубо высеченная из мягкого известкового камня человекообразная фигура с плоской передней стороной, которую сам исследователь сравнил с гермой. Задняя сторона ее выпуклая. Голова отделена от остальной части выемками, образующими шею и плечи. Части тела никак не обозначены. На плоском круглом лице проведены вглубь черты, обозначающие нос. Размеры ее — длина 0,57 м, ширина 0,25 м, толщина 0,15 м.

Весь характер находок на городище чисто местный, варварский, но в керамике подражающий античным образцам. Датировано оно концом II—нач. I в. до н. э.

¹ П а т ы ш е в, Заметки по греческой эпиграфике, «Изв. ГАИМК», вып. II, Петерб., 1922, стр. 70 сл.

² K i e s e r i t z k y u n d W a t z i n g e r, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909, taf. LV, 763, taf. LVI, 757, 761, 762-759.

³ Э р н с т, Доклад о древнем Неаполисе, читанный на II конференции археологов в Херсонесе, изд. Херсон. музея, Симф., 1927, стр. 27.

⁴ Р. Х. Л е п е р, Отчет о раскопках в Херсонесе. ОАК за 1913—14 гг. Петр. 1918, стр. 60.

⁵ Г. Д. Б е л о в, ук. соч., стр. 21 и 192.

⁶ ОАК, за 1908 г. СПб, 1912, рис. 135—137; ОАК за 1913—14 гг., Петроград, 1918, стр. 67; ОАК за 1896, 1897, 1898 гг. (СПБ, 1898 г., 1900 г. 1901 г.); ОАК за 1891 г. СПб, 1893; Херсонесский сб., вып. II, стр. 152, Симферополь 1932; «Изв. Арх. ком.», вып. 20, СПб, 1906.

⁷ С и з о в, Станица Раевская. МАК, вып. II, М., 1898, рис. 27, стр. 113.

Второй анапский памятник — это антропоморфная стела-герма, найденная в кургане того же времени ¹.

Боспорские головообразные памятники, начиная с I в. до н.э., также начинают удлиниться, все более и более напоминая герму. Многие из них сохраняют лишь форму и очертания антропоморфных надгробий, лицевая сторона которых украшается обычными для греческих надгробий рельефами. Большинство из них содержит надписи, с часто попадающимися среди них варварскими именами ². Но особенно характерны изменения, происходящие с головообразными таврскими надгробиями в Херсонесе времен I в. до н.э. — III в. н.э. В насыпи некоторых детских гробниц этого времени встречаются грубой работы плиты в виде портика, на лицевой стороне которых изображение в виде круга-головы и схематизированных плеч ³.

Рис. 3. Навершие таврского надгробия из Херсонеса

Рис. 4. Антропоморфная надгробная стела из Анапы

На камне фланговой башни римского времени херсонесской городской стены и на стене римского склепа, открытого в 1903 г., мы видим те же антропоморфные изображения, сделанные здесь лишь в форме рельефов ⁴. В одних случаях они лишь начаты и не окончены, в других представляют совершенно законченную голову с шеей и началом гермы. Отличительной чертой этих рельефов от более ранних является хорошо подчеркнутая шея, расширенные тем самым плечи и примитивно обозначенные сверлом черты лица.

Наша герма принадлежит именно этому периоду, вполне перекликаясь с ним своими стилевыми особенностями. Она представляет лишь более развитую, усовершенствованную в восприятии античного влияния модель, заканчивающую собой круг местных таврских памятников ритуального характера.

¹ Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, СПб, 1913, табл. XXX, рис. 3.

² Шкорпил, Боспорские надписи, ИАК, вып. 40, СПб, 1911, стр. 101, 107.

³ ОАК за 1898 г, СПб. 1901; ОАК за 1892 г., СПб, 1893; Kieseritzky u. Watzinger, ib. t. LVI, 765 a, 765 b.

⁴ М. И. Ростовцев, ук. соч., табл. CX, рис. 3,4.

Высота гермы — 13 см., толщина — 3 см., ширина в плечах — 3 см., ширина у основания — 4,6 см.

Герма — из обычного херсонесского известняка, покрытого красновато-бурым налетом от долгого лежания в почве, пропитанной окисями железа, что особенно характерно для почвы в скрестностях Стрелецкой бухты и Херсонесского маяка. Лицо гермы несколько треугольно, благодаря широким скулам и остроконечной бороде. Оно совершенно плоско, сверлом обозначены близко поставленные друг к другу глаза, рот и слабо прочерчены две линии носа. Борода обозначена насечками. Так же примитивно, как все лицо, изображено правое ухо. Левого незаметно, так как вся левая сторона вообще сохранилась хуже правой. Верх головы поврежден. С правой стороны головы заметно схематическое изображение волос в виде полосок, идущих от

Рис. 5 а, б, с. Миниатюрная каменная герма из Херсонеса

лба к затылку. На затылке волосы образуют утолщение, спускающееся в виде рельефного клина по спине. Повидимому, в толще волос на затылке имелось сделанное сверлом отверстие для подвешивания, но так как верхняя часть затылочного украшения отбита, то сохранилась лишь нижняя часть пронизи. Подобные отверстия видим мы во всех подвесках-амулетах, а также в пастовых и костяных гермах из херсонесского некрополя.

Фас итифаллической гермы в верхней части представляет обычный покатый бюст со срезанными руками, условные изображения которых, также обычные для гермы, заметны по сторонам. На месте живота сверлом сделана дырочка — пуп. Расширяющееся книзу основание гермы заканчивалось пьедесталом, оббитым, как и верх головы, в древности, о чем свидетельствует покрывающий всю поверхность гермы красноватый почвенный налет. Сохранились лишь следы пьедестала в виде идущего со всех четырех сторон карнизика. На спине гермы заметны три пересекающиеся друг с другом линии, прочерченные острием сверла (рис. 5, б, с).

Прежде всего бросается в глаза совершенно необычная форма гермы, расширяющаяся книзу. Античная герма обыкновенно или сужена книзу, или, что гораздо реже, равной ширины в основании и в плечах.

При ознакомлении с херсонесским материалом именно эта форма вполне оправдана для нашей варваризированной гермы. Вспомним материал из раскопок Бертье-Делагарда таврского святилища близ Ялты¹. Там среди множества жертвенных статуэток

Рис. 6. Терракотовые изображения женского божества из таврского святилища близ Ялты.

римского времени греческой работы, изображающих местное высокочтимое женское божество, оказались подражающие им фигуры, трактованные в виде пирамидок, очень напоминающих своей формой нашу герму. Вверху пирамидки обозначалось лицо с заципнутым носом (рис. 6). Эти пирамидки были изделиями рук самих тавров, и примитивные их очертания оказывались для них самыми посильными. Ялтинские тавры были слишком удалены от постоянного общения с греками и тем самым лишены непосредственного их влияния. Тавры, жившие в окрестностях Херсонеса, вроде мастера,

¹ Бертье-Делагард, Случайная находка древностей близ Ялты. 300 Ист. и др., т. XXVIII. Одесса, 1910, стр. 19—27.

изготовившего нашу герму, или в самом Херсонесе, хоть и очень медленно и элементарно, все же невольно впитывали влияние греческих очертаний и греческих идей. Поэтому стиль изображения нашей гермы много выше стиля вотивных фигурок из урочища Мал-муз. Герма может быть надгробным памятником, если она достаточно велика, но может быть символом этого памятника — амулетом, если она миниатюрна, как наша. В могилах херсонесского некрополя римского времени найдено несколько маленьких костяных герм-подвесок, имеющих также расширяющееся книзу основание и плоское лицо. Сзади них имеются дырочки для подвешивания¹.

Есть еще одна особенность у нашей гермы — это собранные как бы в косу волосы на затылке. Опять-таки для Херсонеса это не единственный случай.

Среди находок из херсонесского некрополя римского времени имеются миниатюрные пастовые гермы местной работы с косами². Затем, так называемый «бронзовый идол» с заплетенными сзади в косу волосами³. И, наконец, в раскопках 1905 г. найдена мраморная плита с изображением гермы с косами, спускающимися по плечам⁴. Время этих памятников ограничено рамками I—IV вв. н. э. Датирующим элементом здесь служат многие факты: пумизматический и керамический материал, металлические изделия — пряжки, фибулы, браслеты, янтарные и пастовые бусы, т. е. все то, что характеризует языческий некрополь первых веков н. э. в отличие от некрополя христианского времени. С распространением в конце IV в. христианства с присущей ему новой символикой и новыми ритуальными памятниками языческие гермы в Херсонесе и на Боспоре исчезают совершенно и в период даже раннего средневековья уже не известны.

Таким образом, каменная пирамидальная герма Исторического музея является последним этапом в круге ритуальных памятников, связываемых с таврами. Время их — период тесной связи тавров с греческими городами — падает, как показывают упоминающие тавров надписи, на VI в. до н. э.—II—III вв. н. э. В конце этого периода тавры, повидимому, окончательно сливаются с все более и более интенсивно вторгающимися в их пределы племенами скифов и сармат и окончательно перестают существовать как определенный народ с определенным типом материальной культуры.